

О. Н. Наумов
(Москва)

ДНЕВНИК А. П. БАРСУКОВА КАК ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Александр Платонович Барсуков (1839–1914) был человеком необыкновенного научного дарования. Однако малочисленность печатных трудов стала причиной того, что его вклад в развитие отечественной геральдики, да и исторической науки в целом остается незамеченным и неотрефлексированным¹.

Геральдист происходил из древнего, но провинциального служилого рода. После занятий собственной генеалогией А. П. Барсуков записал в дневнике: «Род неважный, но старый. Начало его теряется в мраке таинственной Мещеры. Документы жидки»². Особую известность Барсуковы приобрели в конце XIX – первой половине XX в., когда сразу несколько представителей рода посвятили себя науке (ил. 1). Историками, архивистами и археографами были братья геральдиста Николай (1838–1906) и Иван (1841–1906), а сын последнего Михаил (1890–1974) стал крупным историком медицины, профессором и доктором медицинских наук.

Биография А. П. Барсукова не богата внешними событиями: окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, с 1860 по 1869 г. находился в Финляндском драгунском полку и в пограничной страже, затем служил в Департаменте герольдии (1871–1872) и Святейшем синоде (1872–1884). 24 февраля 1886 г. вернулся в Департамент герольдии, став членом его Гербового отделения, а уже с 3 марта исполнял обязанности управляющего. Утвержден в этой должности 19 января 1887 г., в действительные статские советники произведен 1 января 1896 г.³

К началу службы в Гербовом отделении А. П. Барсуков был автором значительных исторических исследований⁴, и «познания его по части археологии» учитывались при назначении. Однако Министерство юстиции запросило дополнительные сведения о кандидате. Герольдмейстер Е. Е. Рейтерн разъяснил, что на должность его рекомендует князь П. П. Вяземский, сенатор, присутствующий в Департаменте герольдии, характеризуя как «деятельнейшего и полезнейшего чиновника»⁵. Тот знал историка по работе над многотомным трудом о Шереметевых, поскольку его дочь была женой графа С. Д. Шереметева.

Основным источником о деятельности А. П. Барсукова в Гербовом отделении является его дневник. Он хранится в ОР РГБ и охватывает период с 1899 по 1914 г.⁶ Записи делались ежедневно, последняя – 13 апреля 1914 г.⁷, накануне кончины автора. Они точны и последовательно, иногда с указанием времени до минут, описывают каждый день (ил. 2).

Ил. 1. А. П. Барсуков. 1877. Фотография.
Дарственная надпись А. П. Барсукова.
ОР РГБ. Ф. 18. К. 39. Д. 43. Л. 1

Ил. 2. А. П. Барсуков на отдыхе в усадьбе
Гневка Харьковского уезда. Снимала Кетеван
Дмитриевна Ден. 15 сентября 1907.
Пояснительная надпись А. П. Барсукова.
ОР РГБ. Ф. 18. К. 39. Д. 43. Л. 3

Тексты насыщены информацией. Описание служебной, научной и общественной деятельности интегрировано в них с фиксацией мелких бытовых подробностей, встреч и скрупулезными подсчетами расходов. Будучи глубоко религиозным, А. П. Барсуков постоянно отмечал свое присутствие на церковных службах, давал им оценку; начинал каждую запись с обширной, иногда в половину страницы, цитаты из священных текстов.

Упомянув о знакомстве с новым человеком, автор дневника кратко характеризовал его, акцентируя внимание на наиболее запомнившихся чертах. Например, профессора Казанского университета Д. А. Корсакова называл «несносным болтуном и провинциалом», а начинающего историка А. М. Сухотина – «очень милым молодым человеком»⁸. При описании заседаний научных обществ наряду с перечислением участников оценивались выступления и дискуссии, если таковые случались. Так, впечатления от доклада И. Н. Лодыженского «О роде Молоствовых» на заседании Русского генеалогического общества 9 марта 1900 г. переданы единственным словом: «Тоска!»⁹

А. П. Барсуков осознавал ценность своего дневника и относился к нему отчасти как к научному тексту, о чем свидетельствуют указатели, которые составлялись в 1899–1906 гг. В них перечислены фамилии, учреждения, заведения (например, Сенат, кавказский ресторан в Санкт-Петербурге), топонимы и иные понятия (например, «завтраки у нас») (ил. 3).

Полноценному использованию источника для изучения истории интеллектуальной и повседневной жизни России рубежа XIX–XX вв. препятствует почерк автора. А. П. Барсуков никогда не писал каллиграфически, но его служебные документы и переписка читаются вполне уверенно. Дневник же написан мелким

и плохо различимым почерком, а некоторые слова и фрагменты фраз расшифровке не поддаются. Чтение осложняют сокращения, расплывшиеся чернила и иные палеографические трудности. Такая ситуация во многом объясняется ограниченным местом, оставшимся для записи после библейских цитат. Иногда, чтобы описать насыщенный событиями, важный день, приходилось подклеивать к страницам дополнительные листы бумаги.

Для истории русской геральдики дневник А. П. Барсукова представляет ценность, прежде всего, сведениями о чиновниках Департамента герольдии и описанием деятельности его Гербового отделения.

В нем часто упоминались герольдмейстеры Ф. И. Шамрай и А. А. Живкович. Оба характеризовались исключительно негативно. Такие оценки можно было бы расценить как пристрастные, однако они совпадают с мнениями, которые высказывали другие историки, в частности Л. М. Савелов. Должность герольдмейстера считалась престижной, поэтому на нее попадали юристы, стремившиеся сделать карьеру, но не компетентные ни в генеалогии, ни в геральдике.

А. П. Барсуков, как и Л. М. Савелов, объяснял кадровые неудачи происхождением герольдмейстеров не из древнего дворянства. На эту причину прямо указано в записи от 3 января 1902 г.: «Вчера Руммель¹⁰ уверял, что наш герольдмейстер Шамрай – сын швейцара Витебской гимназии. . . Предшественник Шамрая по должности герольдмейстера же Непорожнев – сын почтаря. . .»¹¹ Ф. И. Шамрай критиковался в дневнике чаще, чем другие чиновники, и именовался «чинодралом», болваном, ослом, «круглым невеждой в деле геральдики»¹². Следующий герольдмейстер А. А. Живкович не понравился с момента знакомства, потому что при представлении 3 января 1914 г. служащим Департамента герольдии спросил, когда А. П. Барсуков бывает на службе, и разговаривал с ним «суховато»¹³.

Нелестных оценок удостоились в дневнике сенаторы Департамента герольдии; например, 20 апреля 1909 г., когда появились слухи о назначении И. Л. Горемыкина государственным канцлером, А. П. Барсуков записал: «Что за ерунда! Сенаторы наши, изнывающие от безделья, толкались в комнате герольдмейстера и, вероятно, только об этой ерунде и толковали»¹⁴. В январе 1914 г. упоминалось о том, что служащие рассказывают «ужасы» о наглости и грубости первоприсутствующего в Департаменте герольдии Н. Н. Мамонтова, объясняя такое поведение браком с сестрой В. Н. Коковцова, на тот момент председателя Совета министров¹⁵.

Ил. 3. А. П. Барсуков на заседании Попечительства при домовй церкви графов Шереметевых во имя Святой великомученицы Варвары. Рисунок графа П. С. Шереметева. 4 декабря 1912. Карандаш. ОР РГБ. Ф. 18. К. 39. Д. 40. Л. 1

Некоторые чиновники Гербового отделения тоже описаны в дневнике не с лучшей стороны. Действительный статский советник М. В. Лоренц назван «противным» и навоевающим уныние «весьма выразительным типом чиновника-бездельника из привилегированных»¹⁶; упоминалось сообщение газеты «Новое время» о том, что в мае 1909 г. он был оштрафован на 200 р. за устройство в своей квартире азартных игр¹⁷. Надворный советник В. Э. Горн¹⁸, по словам А. П. Барсукова, наводил тоску¹⁹, сообщение о его отъезде на несколько месяцев за границу сопровождалось пожеланием «скатертью дорога»²⁰, а на возвращение в апреле 1903 г. управляющий отделением отреагировал так: «Возвратился, наконец, нахал Горн с обычными уверениями, что не мог прибыть раньше, ибо был болен. Глядя на его цветущее лицо, я пожелал, чтоб и впредь он имел такую приятную болезнь»²¹.

Из геральдистов А. П. Барсуков откровенно негативно характеризовал П. П. фон Винклера, называя «паскудным»²².

Были в Департаменте герольдии и те, кого историк ценил. С приятностью он относился к «большому знатоку геральдики» Е. Е. Рейтерну²³, своим секретарям А. И. Фанштейну и Ф. Ф. Калущину, к С. В. Судакову. Когда в ноябре 1909 г. последний стал библиотекарем отделения, то радовался, что «складывается все как нельзя лучше»²⁴, а в сентябре 1913 г. на перемещение его архивариусом отреагировал восторженно: «Более правильного назначения сделать было нельзя. Наступила новая эра многострадального архива Герольдии»²⁵. С большой теплотой отзывался о С. В. Митенском²⁶, называя «идеальным работником», «последним могиканином» и причисляя к категории трудолюбивых чиновников, которых «уже не будет»²⁷.

Непросто складывались отношения с художником отделения А. В. Серебряковым. С одной стороны, А. П. Барсуков восхищался его мастерством: отметил, например, выполненную в 1909 г. для нового армянского католикаса грамоту²⁸; с другой – не мог игнорировать трудный и неуживчивый характер, приводивший к частым, беспричинным конфликтам. «Весьма нервен. Нужно всячески стараться чем-нибудь не раздражить его. Жаль его. Человек хороший», – записано в дневнике 21 апреля 1909 г.²⁹, и подобные отзывы встречаются постоянно³⁰. В июле 1909 г., когда художник получил для исправления большой герб великой княжны Анастасии Николаевны, то «прямо взбесился», и историк сетовал: «Ах, как все это надоело!»³¹

Одной из важнейших заслуг А. П. Барсукова перед отечественной геральдикой стало привлечение на службу в Гербовое отделение В. К. Лукомского. В настоящее время это кажется очевидным, но дневник раскрывает, как длительно и трудно происходило перемещение последнего на новое место службы. Первое упоминание о геральдисте появилось 5 апреля 1905 г., молодой человек понравился сразу: «Приезжал, по назначению, студент Лукомский для представления герольдмейстеру и произвел на всех самое приятное впечатление. Действительно, приличный юноша, на редкость воспитанный и рассудительный»³². Благожелательное отношение сохранялось и в последующие годы (например, 27 августа 1909 г. записано: «Очень милый господин Лукомский»)³³. Незадолго до смерти, как бы предчувствуя ее, А. П. Барсуков активно занялся судьбой геральдиста: 7 января 1914 г. говорил о нем с А. А. Живковичем, только что занявшим должность герольдмейстера³⁴, 10 января отправил члену присутствия Гербового отделения Н. К. Жукову «нужное письмо» о кандидате, оставив себе копию³⁵. В записи от 21 января сообщается, что «с удовольствием» видел в отделении В. К. Лукомского,

откомандирование которого пока не завершено, хотя А. А. Живкович «дал ему словесное поручение заниматься в Гербовом отделении». «Мало и неопределенно», – оценил такое решение А. П. Барсуков³⁶. Дело затягивалось, о чем упоминалось 4 февраля: «Все та же неопределенность относительно Лукомского»³⁷. Тогда же управляющий отделением начал предпринимать шаги, чтобы ускорить назначение, и 7 февраля передал герольдмейстеру рапорт об откомандировании В. К. Лукомского к исполнению обязанностей члена Гербового отделения, на что получил ответ: «Ведь я же уже поручил ему быть Вашим помощником, а относительно дальнейшего – пусть подрастет»³⁸. Однако, видимо, документ определенное действие оказал, и 11 февраля в дневнике появилась более обнадеживающая запись: «Дело Лукомского <...> как будто бы продолжается»³⁹. К тому времени тот фактически работал в отделении и 24 февраля вместе с А. П. Барсуковым разбирал материалы для дополнительной части сборника дипломных гербов российского дворянства⁴⁰. Прикомандирование его к отделению состоялось 27 марта, а в ночь на 15 апреля А. П. Барсуков скончался (ил. 4).

Ил. 4. А. П. Барсуков – управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии. Начало XX в. Фотография. ОР РГБ. Ф. 18. К. 39. Д. 43. Л. 2

В дневнике отразилась бурная жизнь Гербового отделения: справки, посетители, составление гербов, исполнение неожиданных запросов. «В отделении сутолока. Было много народу», – записано 15 января 1909 г.⁴¹ Регулярно случались ситуации, называемые А. П. Барсуковым «переполохами». В феврале 1905 г., например, суету вызвал поступивший из Собственной Его Императорского Величества канцелярии запрос о гербе католической ветви князей Святополк-Мирских⁴².

В Гербовое отделение почти каждый день приходили посетители. Только за январь 1902 г. упомянуто несколько визитов: 10-го Ф. И. Шамрай привел некоего Коробку («извольте этим болванам показывать картинки»)⁴³; 16-го прибыли княгиня Е. А. Святополк-Мирская с детьми и их гувернанткой, княгиня О. А. Бярятинская, полковник Лордкипанидзе и др. («присутствие детей установило хаос, и я не мог исполнить задуманную программу осмотра. Впрочем, кажется, все остались довольны показанным»⁴⁴); а на следующий день, 17-го, неожиданно пожаловали сенаторы Департамента герольдии вместе с первоприсутствующим В. Р. Завадским, чтобы осмотреть «дар царский» – доски с выполненными на эмали областными и губернскими гербами Российской империи⁴⁵.

Постоянно навещали просители за документами о гербах: в январе 1902 г. за справкой о гербе Померанцовых заходил В. Р. Завадский⁴⁶, 14 февраля того же года по делу о составлении своего герба – профессор Н. Ю. Зограф⁴⁷, 12 марта за копиями с герба

Карповых приезжал Н. П. Лихачев⁴⁸; в феврале 1903 г. появился сенатор М. Н. Сазонов, интересовавшийся гербом для киевского профессора Н. А. Оболонского⁴⁹, а в марте – хлопотавший о собственном гербе земский деятель и педагог В. Н. Лясковский⁵⁰. В начале XX в. за гербами часто обращались представители политической элиты. Так, 10 марта 1909 г. проект своего герба одобрил депутат 3-й Государственной думы Н. И. Микляев⁵¹, а в мае того же года разработанный А. П. Барсуковым вариант подписал товарищ министра юстиции, сенатор А. Г. Гасман, вызвавший у геральдиста резкое неприятие тем, что был крещеным евреем⁵².

Иногда посетители оказывались назойливыми и излишне требовательными. В декабре 1913 г. в отделении побывал бывший в должности шталмейстера высочайшего двора И. И. Назимов, желавший выбрать эмблемы для своего герба, просмотрев весь «Общий гербовник». «Покажи ему гербовник. 18-то частей <...> Категорически отказал, как дело совсем бесполезное, а для нас крайне мучительное», – восклицал А. П. Барсуков⁵³.

Другие раздражали сомнениями. Таким просителем оказался крупный банкир А. С. Поляков. О составлении его герба в дневнике 31 января 1905 г. записано следующее: «Опять приходил Лазарь Поляков. Не решается на чем-либо остановиться. И это хорошо, а так еще лучше, а может быть, этот рисунок лучше? Просто мучение!»⁵⁴

Иногда бывали и приятные знакомства. Особенное удовольствие доставило общение с пришедшим в январе 1903 г. по делу о создании герба контр-адмиралом П. Н. Вульфом. В дневнике подчеркивалось, что «это родственник известного друга Пушкина»⁵⁵.

Не все визиты касались герботворчества, в отделении обсуждались общие проблемы геральдики, проводились исследования, которые А. П. Барсуков неизменно поддерживал. В феврале 1902 г. приехал князь М. С. Путятин, чтобы обсудить, какими знаками передается геральдический горностаевый мех – трефами или хвостиками. «Доказал, что трефы – издревле», – подвел итоги беседы А. П. Барсуков⁵⁶. В январе 1909 г. изучением печатей из собрания отделения занимался барон Н. А. Типольт⁵⁷, а 9 ноября того же года «наспех» выписывал девизы, готовя их указатель⁵⁸, С. Н. Тройницкий, отправленный Н. П. Лихачевым⁵⁹, к 26 ноября выборку он закончил, успев понравиться управляющему. «Весьма приличный молодой человек», – заметил тот⁶⁰.

Некоторые посетители были навязчивы и бесцеремонны. В феврале 1909 г. А. П. Барсуков жаловался на «мадам Катаржи» «со своим гербом», которая «вконец измучила» и его, и чиновников. «Упаси Господи от бабы-просительницы», – записал он. Через несколько дней та же особа явилась снова: «Баба Катаржи врывается в отделение, но не была впущена»⁶¹. В дневнике сохранилось упоминание, что в апреле А. В. Серебряков все-таки занимался эскизами герба лейб-гусара Катаржи⁶², однако среди утвержденных имеется только дипломный герб бригадира Ильи Катаржи 1796 г.

Посетители рвались к А. П. Барсукову и домой. В январе 1903 г. его навестил П. И. Белавенец, который пришел консультироваться о государственных цветах и адмиральском флаге. Беседа продолжалась 3 часа и сопровождалась вынужденным приглашением на завтрак. «Непрошенный, незванный гость» запомнился наглостью и бесстыдством⁶³. Столь же негативное впечатление оставил В. А. Дурасов, явившийся 23 февраля 1905 г. «Едва кончил [обедать], ворвался лиценст Дурасов за советами насчет затеваемого им издания „Русской родословной книги“... Приход в дом без предварительного спроса, да и самое дело по своему бестолковому плану окончательно убедили меня, что у юнца в голове бегают мышка...» – иронизировал геральдист⁶⁴.

Когда в отделении было спокойно и появлялась возможность посвятить время геральдической работе, А. П. Барсуков радовался, подводя итоги дня такими словами: «Энергично двинули в ход все новые гербы» (запись от 14 февраля 1902 г.)⁶⁵ или: «Шибко двинул новые гербы» (запись от 18 июня 1902 г.)⁶⁶. Иногда, особенно летом, дела иссякали, и тогда появлялись записи вроде: «Скукота», «Безумие», «Дела никакого не было», «Пустыня», «Унылое ничегонеделание»⁶⁷.

Дневник позволяет достоверно установить авторов родовых и территориальных гербов, утвержденных в конце XIX – начале XX в. Как следует из его текста, все проекты либо составлялись лично А. П. Барсуковым при участии А. В. Серебрякова, либо корректировались ими. Например, 18 февраля 1903 г. записано: «Вырабатывали с Серебряковым гербы Барсуковых и Кристи»⁶⁸. Причем к любым деталям геральдист относился чрезвычайно внимательно и мог заехать в Сенат ради одного уточнения. Так, 7 июня 1902 г. специально посетил службу, чтобы справиться о гербе графов Воронцовых-Дашковых и успокоиться «относительно пушки»⁶⁹.

А. П. Барсуков разрабатывал проекты с учетом всех геральдических нюансов, и иногда предложения оказывались единственно возможными. В январе 1914 г., составляя герб для Толстых-Милославских, записал в дневнике, что, хотя утвержденного герба Милославских не существует, в гербовнике А. Т. Князева⁷⁰ имеется печать вице-адмирала Ф. С. Милославского, которую можно использовать⁷¹. Процедура правового признания герба до 1917 г. закончена не была, но в 1933 г., в эмиграции, объявивший себя императором великий князь Кирилл Владимирович утвердил герб графов Толстых-Милославских, и в нем имелось изображение, восходящее к упомянутой геральдистом печати⁷².

Предметом особой заботы А. П. Барсукова стали гербы династии Романовых. В дневнике отмечено, что 14 января 1902 г. Министерство императорского двора предписало изготовить герб для наследника престола Михаила Александровича⁷³, чем отделение и занялось, а после завершения работы отправляли копии с рисунка в различные учреждения, что вызвало «большую суматоху»⁷⁴. Аналогичным образом описывалась обстановка в отделении, когда в апреле 1905 г. из канцелярии министра двора поступили замечания на рисунки гербов для нового наследника цесаревича Алексея Николаевича и утратившего этот статус великого князя Михаила Александровича⁷⁵.

В августе 1913 г. А. П. Барсуков долго обдумывал, как обозначить владельца в гербе потомства герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого от мorganатического брака с Н. Ф. Вонлярской: графов Карловых или графини Карловой; в итоге остановился на первом варианте, который и попал в XX часть «Общего гербовника»⁷⁶.

Специальностью А. П. Барсукова была геральдика родовая, но по должности ему приходилось заниматься и территориальными символами: отвечать на запросы и разрабатывать проекты. В частности, в январе 1903 г. ковенский губернатор просил разъяснить, какие короны должны изображаться на гербах уездных городов⁷⁷. Судя по дневнику, именно А. П. Барсуков составил проекты для всех территориальных гербов, утвержденных в конце XIX – начале XX в.: 12 ноября 1909 г. «обработал проект» герба города Николаевска Самарской губернии⁷⁸, 24 ноября – «занимался проектированием гербов для Владимира-Волынского, Луцка, Дубно»⁷⁹, а осенью вместе с А. В. Серебряковым подготовил проекты гербов для Самаркандской области⁸⁰.

Разработка территориальных символов могла иметь политический контекст. Когда 22 августа 1913 г. из Министерства внутренних дел поступило требование изготовить

к 1 сентября герб Холмской губернии⁸¹, то геральдист, хотя и назвал его «нелепым», сразу принялся за работу: уже 26 августа вместе с А. В. Серебряковым определил концепцию символа, а к 3 сентября проект был готов⁸². Такая спешка объяснялась тем, что Холмская губерния появилась в составе Российской империи в июне 1912 г., и 8 сентября 1913 г. предполагалось ее официальное открытие.

Несмотря на такой значительный опыт герботворчества, иногда А. П. Барсуков сомневался в собственной компетентности по части территориальной символики. В январе 1909 г. его, в частности, смущала необходимость заняться гербами для финляндских городов. «Для меня это *terra incognita*», – признался геральдист, радуясь, что справкой из Финляндского статс-секретариата обещал помочь чиновник Департамента герольдии А. О. фон Гернет⁸³.

В компетенции Гербового отделения находились вопросы использования государственного герба, и в феврале 1909 г. А. П. Барсукову пришлось дважды ими заниматься: сначала из Министерства императорского двора поступил запрос о возможности помещения символа на аптекарских сигнатурах⁸⁴, а затем потребовалась консультация об «особых правилах» его изображения на вывесках. Для выполнения последнего задания историк даже посетил библиотеку Гражданского кассационного департамента Сената, убедившись, что таковых «издано не было»⁸⁵.

Сильное раздражение вызывали у А. П. Барсукова постоянное вмешательство начальства и высокопоставленных чиновников в герботворчество. Он всегда твердо отстаивал свою позицию по конкретным проектам, невзирая на должность того, с кем приходилось вступать в конфликт.

В марте 1902 г. случилась крупная «схватка» с В. Р. Завадским. Сенат определил нарисовать для него и поднести на высочайшее утверждение польский герб Рогала⁸⁶. Гербовое отделение подготовило соответствующий проект, но сенатор потребовал, чтобы в официальном описании рог назывался турьим, а не воловьим, и цвет его обозначался как серый, а не серебряный. Кроме того, хотел, чтобы рога в нашламнике изображались вдвое меньшими, чем в щите, и чтобы сам нашламник отделялся от остальных элементов. А. П. Барсуков с замечаниями не согласился, указав, что серого цвета в геральдике не существует, «величина нашламника должна равняться трем четвертям высоты щита», нашламник не может «висеть в воздухе», и отделить его от короны невозможно⁸⁷. В ответ В. Р. Завадский заявил, что «геральдики как науки не существует», что Гербовое отделение действует произвольно, так как не имеет никаких правил, возведенных в закон, что «желание гербовладельца, его личный вкус должны быть выше всяких измышленных правил», и даже обвинил оппонента в том, что в России чиновники традиционно притесняют просителей. Эти слова страшно обидели А. П. Барсукова. Он резонно заметил, что трудно притеснять руководителя Департамента герольдии и что за долгие годы управления Гербовым отделением никто никогда не жаловался на какие-либо ущемления. Позицию А. П. Барсукова поддержал Е. Е. Рейтерн⁸⁸, и в «Общем гербовнике» из замечаний В. Р. Завадского учтено только переименование воловьего рога в турий. После этого инцидента отношение А. П. Барсукова к начальнику изменилось. Если в записях начала 1902 г. тот назывался «весьма обходительным, приятным господином»⁸⁹, то впоследствии характеризовался иначе: «Сладок как мед – ах бишь – как лях»⁹⁰.

В январе 1903 г. геральдист возмутился министром императорского двора В. Б. Фредериксом. В связи с пожалованием прусского ордена Черного Орла тот запросил копию

своего герба с описанием. На самом деле, как отметил А. П. Барсуков в дневнике, достаточно было одного рисунка, необходимого для помещения, по Уставу ордена, в церкви вместе с гербами других кавалеров⁹¹. История повторилась в мае 1909 г., когда копия герба понадобилась В. Б. Фредериксу после пожалования шведским орденом Серафимов⁹².

В апреле 1903 г. случился скандал с гербом рода Вуичей⁹³. Председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Э. И. Вуич пожелал, чтобы в родовом гербе на меч всадника была насажена отрубленная турецкая голова. Чтобы пресечь вероятные возражения, он явился в Гербовое отделение вместе с обоими начальниками А. П. Барсукова – В. Р. Завадским и Ф. И. Шамраем, но А. П. Барсуков с проектом категорически не согласился: «Это совсем не по-нашему, такое поругание врага просто подло. Мы решительно отказываем в этом»⁹⁴. Э. И. Вуич стал угрожать обращением лично к министру юстиции Н. В. Муравьеву. «Скатертью дорога. Мы умываем руки», – прокомментировал шантаж геральдист, а 14 февраля 1905 г. записал в дневнике: «Опять несносный Вуич с своею турецкою головою. Шамрай за него, и мне придется отступить. Вся надежда на Государя, что забракуют... Впрочем, это сомнительно»⁹⁵. Тем не менее продолжал бороться, 28 марта подав герольдмейстеру «удачную записку о невозможной эмблеме в гербе Вуича»⁹⁶. Последствий она не имела, настойчивый проситель своего добился. В эмиграции Э. И. Вуич вспоминал, что голову в гербе А. П. Барсуков считал «позором», а помог решить вопрос министр юстиции с января по декабрь 1905 г. С. С. Манухин, приказавший геральдисту подать рапорт с начальным проектом и убедивший в его правильности Николая II⁹⁷. Отрубленная голова в гербе так и осталась.

Тот же В. Р. Завадский в январе 1909 г. дважды наведывался по поводу утверждения герба для своего, как выразился А. П. Барсуков, «благотрятеля», члена Государственного совета П. В. Дическула⁹⁸, а в феврале 1914 г. «прибежал» Е. Е. Рейтерн, заметивший в гербе управляющего Министерством финансов П. А. Барка, уже утвержденном императором, различные оттенки лазури в щите и наплемнике, за что А. П. Барсуков назвал в дневнике бывшего герольдмейстера «эка пустая бошка»⁹⁹.

В январе 1903 г. на попытки Ф. И. Шамрая вмешаться в дело об императорских и государственных гербах, которое геральдист вел напрямую с Министерством императорского двора, тот отреагировал весьма резко: «Этим господам все мало. Какая неподражаемая жадность к захватам!.. Захватит вот такая тупица, и дело замерзает. Вот одна из главнейших причин нашего административного хаоса»¹⁰⁰.

В январе 1906 г. А. П. Барсукова обидел министр юстиции М. Г. Акимов, названный в дневнике «невзрачным». При представлении чиновников департамента он отказался осмотреть Гербовое отделение, сославшись на нехватку времени¹⁰¹.

Одним из приоритетных направлений в деятельности Гербового отделения всегда было составление «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». На страницах дневника отражены этапы работы над каждой из частей, утвержденных в период управления А. П. Барсукова; их было пять (с XIV по XVIII), да и XIX готовилась при его непосредственном участии. Например, 10 марта 1903 г. геральдист отметил, что «подобрал в систему» и передал С. В. Митенскому для чистки подлинные гербы XVII части, а 1 декабря представил ее готовую рукопись герольдмейстеру¹⁰². В записи от 7 апреля 1909 г. сообщалось о том, что закончен разбор готовых гербов для XIX части¹⁰³.

В дневнике упомянуты уникальные задания, поступавшие в Гербовое отделение. В апреле 1903 г., например, возникло дело о раме для юбилейной картины И. Е. Репина

«Горжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения». Ее решили украсить пятнадцатью «рисованными в цинке» титульными гербами, на что ассигновали 1700 р., установив срок исполнения до 1 июня. А. П. Барсуков назвал авторов идеи «прямо идютами» и возмутился тем, что гербы предполагено делать «хозяйственным способом, сговорившись с художницей». Для переговоров в отделение прибыл смотритель Марииинского дворца, где проходили заседания Государственного совета и находилась картина. Он просил руководства и содействия для художницы, и А. П. Барсуков помог ей. Уже через несколько дней необходимые гербы были скопированы¹⁰⁴.

Важным событием в жизни управляющего Гербовым отделением, убежденного монархиста, стала встреча с Николаем II, которому 22 февраля 1902 г. он представил свои исторические труды¹⁰⁵. Аудиенция подробно описана в дневнике. Императора заинтересовал ранний вариант герба Шереметевых, воспроизведенный в труде А. П. Барсукова, а когда тот поблагодарил за переданные в Гербовое отделение эмали с изображением территориальных гербов, то оказалось, что монарх вполне осведомлен в геральдике. Николай II спросил, верно ли, что в них есть ошибки. А. П. Барсуков ответил утвердительно и в качестве примера привел герб Харьковской губернии, измененный Б. В. Кёне. Кроме того, император выразил удовольствие тем, что из Гербового отделения на подпись приходят «изящно исполненные» рисунки. Это был его не первый благожелательный отзыв о работе А. П. Барсукова. Еще в 1897 г., утверждая гербы графа М. Н. Муравьева, генерал-майора С. О. Гаттовского, действительного статского советника Л. И. Перля и др., монарх одобрил их отличное исполнение¹⁰⁶. «Я вышел из кабинета Государя прямо очарованный столь милостивым приемом»¹⁰⁷, – закончил рассказ А. П. Барсуков.

Служба оставляла геральдисту мало времени для занятий наукой, но все-таки он находил возможность следить за новой литературой. Прочитав в июльском номере журнала «Гербовед» очерк барона М. А. Таубе¹⁰⁸, отозвался в дневнике похвалой: «Умная статья, вполне разрешающая вопрос о грифе в романов[ском] гербе»¹⁰⁹.

А. П. Барсукова беспокоила судьба Гербового отделения после его ухода. В феврале 1905 г. он записал: «Смущен хаосом, оказавшимся в делах. Мои старики (Файнштейн, Митенский) куда как плохи»¹¹⁰. Однако постепенно ситуация менялась к лучшему, появились молодые люди, увлеченные геральдикой, и это радовало историка. В сентябре 1913 г. он написал: «В отделении сутолока: Тройницкий, Любимов¹¹¹, Лукомский. Умиляюсь, глядя на них. Все это геральдисты, генеалогисты. Будущее гербоведения у нас достаточно обеспечено»¹¹². Слова оказались пророческими. Именно С. Н. Тройницкий и В. К. Лукомский сохранили традиции отечественного гербоведения после 1917 г. и много сделали для его развития при тоталитарном советском режиме.

Информационный потенциал дневника А. П. Барсукова разнообразен и не сводится только к истории геральдики. Много внимания уделено научной и религиозной жизни Санкт-Петербурга, деятельности исторических организаций, повседневному быту дворянского общества, политическим событиям начала XX в., имеются яркие, точные характеристики ученых, государственных, общественных и политических деятелей эпохи Николая II.

Дневник А. П. Барсукова – источник, не имеющий аналогов в истории русской геральдики. Независимость и точность суждений автора в сочетании с широким кругом

знакомств, активным участием в научной и общественной жизни, эрудицией, осведомленностью и искренним интересом к происходящему создают уникальное информационное пространство, изучение которого позволяет не только существенно уточнить представления современной науки об истории русской геральдики, но даже и в значительной степени изменить их, сделать более полными и объективными. Дневник содержит много новых достоверных сведений, которые невозможно почерпнуть из других источников. По сути, этот текст дает единственную возможность отразить общие процессы развития геральдической мысли и практики через судьбы отдельных людей и конкретные гербы на микроисторическом уровне, реализуя таким оригинальным образом одно из фундаментальных требований современной науки об изучении прошлого в антропоцентрическом преломлении, Истории через Человека.

- 1 Подробнее о нем см.: *Наумов О. Н.* К биографии Александра Платоновича Барсукова // Гербоведение. Т. 9. М., 2021. С. 44–49.
- 2 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 98 об.
- 3 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 741. Л. 86–100.
- 4 *Барсуков А. П.*: 1) Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Кн. 1–8; 2) Рассказы из русской истории XVIII века: по архивным документам. СПб., 1885 и др.
- 5 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 741. Л. 4–4 об.
- 6 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 5–8; К. 15. Д. 1–12.
- 7 Там же. К. 15. Д. 12. Л. 90.
- 8 Там же. Л. 48 об.; Д. 11. Л. 202.
- 9 Там же. К. 14. Д. 6. Л. 74.
- 10 Руммель Витольд Владиславович (1855–1902) – генеалог, заведующий архивом Департамента герольдии.
- 11 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 41.
- 12 Там же. Л. 44 об., 60 об., 110.
- 13 Там же. К. 15. Д. 12. Л. 40.
- 14 Там же. Д. 7. Л. 91 об.
- 15 Там же. Д. 12. Л. 53 об.
- 16 Там же. Д. 1. Л. 145–145 об.
- 17 Там же. Д. 7. Л. 109 об.
- 18 О нем см.: *Наумов О. Н.* Виктор Эдуардович Горн: биографический очерк // Гербоведение. Т. 10. М., 2023. С. 18–23.
- 19 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 118.
- 20 Там же. Л. 125.
- 21 Там же. К. 15. Д. 1. Л. 145.
- 22 Там же. Д. 3. Л. 76.
- 23 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 79а.
- 24 Там же. К. 15. Д. 7. Л. 191.
- 25 Там же. Д. 11. Л. 170 об.
- 26 *Добровольская А. П.* К истории создания территориальных гербов Российской империи в конце XIX в. // Гербоведение. Т. 10. М., 2023. С. 40–42, 44.
- 27 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 7. Л. 56 об., 133 об.
- 28 Там же. Л. 71.
- 29 Там же. Л. 92.
- 30 Там же. Л. 156, 158, 203 об.
- 31 Там же. Л. 128.
- 32 Там же. Д. 3. Л. 87.
- 33 Там же. Д. 7. Л. 156.
- 34 Там же. Д. 12. Л. 42.
- 35 Там же. Л. 43 об.
- 36 Там же. Л. 49.
- 37 Там же. Л. 56.
- 38 Там же. Л. 57 об.
- 39 Там же. Л. 59 об.
- 40 Там же. Л. 66.
- 41 Там же. Д. 4. Л. 44.
- 42 Там же. Д. 3. Л. 58 об.
- 43 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 44 об.
- 44 Там же. Л. 47 об.
- 45 Там же. Л. 48.
- 46 Там же. Л. 51 об.
- 47 Там же. Л. 62.
- 48 Там же. Л. 75. Из рода Карповых происходила жена Н. П. Лихачева.
- 49 Там же. К. 15. Д. 1. Л. 87.
- 50 Там же. Л. 114.
- 51 Там же. Д. 7. Л. 71.
- 52 Там же. Л. 109 об.
- 53 Там же. Д. 11. Л. 212.
- 54 Там же. Д. 3. Л. 55.
- 55 Там же. Д. 1. Л. 65.
- 56 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 60 об.
- 57 Там же. К. 15. Д. 7. Л. 44.
- 58 *Тройницкий С. Н.* Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. СПб., 1910.

- 59 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 7. Л. 193.
- 60 Там же. Л. 201 об.
- 61 Там же. Л. 63 об., 65.
- 62 Там же. Л. 95.
- 63 Там же. Д. 1. Л. 69–69 об.
- 64 Там же. Д. 3. Л. 66 об.
- 65 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 62.
- 66 Там же. Л. 124.
- 67 Там же. К. 15. Д. 4. Л. 76, 99, 135, 137, 197.
- 68 Там же. Д. 1. Л. 87. В марте герб Барсуковых был готов (Там же. Л. 100).
- 69 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 118 об.
- 70 Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года : издание С. Н. Тройницкого 1912 г. / подгот. текста, коммент., послесл. О. Н. Наумова. М., 2008. С. 122.
- 71 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 12. Л. 42.
- 72 *Думин С. В.* Герб графов Толстых-Милославских // Гербовед. 1994. № 5/6. С. 50–56.
- 73 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 46 об.
- 74 Там же. К. 15. Д. 1. Л. 146, 149.
- 75 Там же. Д. 3. Л. 86 об.
- 76 Там же. Д. 11. Л. 162 об., 163, 164 об.
- 77 Там же. Д. 1. Л. 61.
- 78 Там же. Д. 7. Л. 194 об.
- 79 Там же. Л. 200 об.
- 80 Там же. Л. 131, 198–198 об., 207–207 об., 208 об.
- 81 Там же. Д. 11. Л. 162 об.
- 82 Там же. Л. 164 об., 169 об.
- 83 Там же. Д. 7. Л. 49 об.
- 84 Там же. Л. 58–58 об., 62.
- 85 Там же. Л. 60–60 об.
- 86 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 79. Герб Роголя следующий: щит рассечен, в первом серебряном поле красный олений рог с пятью (или четырьмя) ветвями вправо, во втором красном поле – серебряный турний рог; те же рога того же цвета, но в обратном положении повторяются в нашлемнике.
- 87 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 79а об.
- 88 Там же. Л. 79а.
- 89 Там же. Л. 51 об.
- 90 Там же. К. 15. Д. 1. Л. 96.
- 91 Там же. Л. 56.
- 92 Там же. Д. 7. Л. 98 об.
- 93 *Думин С. В.* Герб графов Вунчей. История утверждения // Гербовед. 1996. № 10. С. 96–103.
- 94 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 1. Л. 149 об.
- 95 Там же. Д. 3. Л. 62. Текст записки см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 383. Л. 168.
- 96 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 3. Л. 83.
- 97 *Думин С. В.* Герб графов Вунчей. С. 97.
- 98 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 7. Л. 47 об., 51. О процессе утверждения герба подробнее см.: *Андрееш-Табак С.* Герб рода Дическул // Гербоведение. Т. 2. М., 2012. С. 81–91.
- 99 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 12. Л. 60.
- 100 Там же. Д. 1. Л. 61–61 об.
- 101 Там же. Д. 4. Л. 45.
- 102 Там же. Д. 1. Л. 107, 369–369 об., 373.
- 103 Там же. Д. 7. Л. 85.
- 104 Там же. Д. 1. Л. 149–149 об.
- 105 Там же. К. 14. Д. 8. Л. 66–66а об.
- 106 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 741. Л. 96 об. – 98.
- 107 ОР РГБ. Ф. 18. К. 14. Д. 8. Л. 68а об.
- 108 *Таубе М. А., бар.* К истории герба Дома Романовых (Догадка о происхождении романовского грифа) // Гербовед. 1913. № 7. С. 109–117.
- 109 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 11. Л. 150.
- 110 Там же. Д. 3. Л. 58 об.
- 111 О нем см.: *Наумов О. Н.* Генеалог Сергей Васильевич Любимов: материалы к биографии // Генеалогический вестник. 2011. № 41. С. 36–48.
- 112 ОР РГБ. Ф. 18. К. 15. Д. 11. Л. 170.